

A_ressa УТРО ТУМАННОЕ...

Пышное придворное пиршество уже перевалило за свою середину, когда я, давно уже поев и попив, вынуждена была оторваться от вышивания. Уж очень бурно и громко, даже на фоне общего шума, развивал свои мысли Ролло:

— Дорогая! Я чувствую, что найду за пределами страны свою корону и свое великое будущее! Я просто задыхаюсь в нашем благополучном мире! И почему я должен сидеть тихо и просто ждать смерти отца, чтобы занять трон? Я люблю Эрика и я не подлец! А сколько там, за границами страны, зла и боли? Я знаю, что могу все изменить!

Странно... Что его подвигло делиться заветными планами с обыкновенной придворной красоткой? Я всегда надеялась, что Ролло неподвластен простым девичьим чарам... Выпил лишнего?

Та не оставалась внакладе:

— Конечно, мой принц! Я всегда знала, что великое будущее ждет тебя!

— О, Лина! Как ты хорошо меня понимаешь!

— А как же? В моем роду всегда приветствовали стремление к неодолимым высотам, неизведанным местностям и бурным странствованиям. В нас живет романтическая и мятущаяся душа!

«И, наверное, по этой самой причине весь ваш род прозябает в презренной бедности»,
— усмехнувшись про себя, подумала я. А та продолжала, чуть снизив тон и косясь на меня:

— Поверь, я не из тех женщин, что способны убивать время за вышивкой... Я помогу тебе словом и делом!

Вот нахалка! Но что же Ролло?! А Ролло промолчал... Сердце у меня заныло. Я-то всегда думала, что этот мальчик любит меня... Привыкла так думать...

Пылкий диалог продолжался. Ролло ласково держал Лину за руку, а она бурным полупшепотом объясняла ему, что она приготовит ему в дорогу, когда приведет к воротам лошадь. Как проводит его в дальний путь.

— Лина, а... если сегодня придет туман?

— И что? Он мне не страшен!!! И потом — почему он придет именно сегодня?

... Я-то действительно тумана не боюсь. Во-первых, я уже давно вышла из цветущей поры. Во-вторых, всегда отличалась отменным здоровьем. Точно знаю: туман пугает и мучит только молодых и слабых. Такова она, придворная молодежь: рождается уже некрепкой, а потом вконец истощает себя в удовольствиях. Ролло — счастливое исключение. Он вырос при мне, я воспитала его крепким телом и духом... Право, настолько ли уж крепким?! Хотя... тумана он не боится. Нечего его бояться. Недаром на моей вышивке в самом начале — изящные дымчатые завитки и туманные щупальца.

... А туман сегодня придет. Это я точно знаю — по слабому приятному шуму в ушах. Так шумит изящная витая раковина с Жемчужного моря. И я, как всегда, открою окно, потушу свечу и лягу в постель. Волокнистые щупальца тумана медленно вползут в комнату. Одно щупальце зависнет около зеркала. Поиграет с отражением. Другое — начнет медленно перелистывать книгу, которую я специально оставляю на столе. Третье — обернется вокруг маятника часов и остановит его... Будет очень тихо. Мягкая нежная тишина и шум моря. Я отдохну... Прохладный влажный завиток ляжет мне на лоб. И я расскажу туману все новости и события за прошедшие два месяца — простые и сложные, то, что радует меня и заботит. Все-все. Он это любит...

... Ролло — сын моей двоюродной сестры, покойной супруги короля Эрика. Вон он, Эрик — великий монарх великой страны — восседает во главе пиршества, рядом с добрыми друзьями и прекрасными дамами. Как всегда: веселый, уверенный в себе, милостивый и дружелюбный без панибратства. Сын похож на отца — и внешне, и душой, и сердцем. А вот умом... Чуть только выйдя из детства, Ролло уже озадачивал царственного родителя заковыристыми вопросами и длинными цитатами из ученых трудов. Читать и познавать мальчик всегда любил. Но, обладая врожденным тактом, очень скоро понял, что частенько ставит отца в тупик. И после этого с каждым вопросом без ответа прибегал ко мне — ведь именно я стала с тех пор его лучшим другом.

Многому научил меня покойный отец. Кое-что я прочитала сама. И все, что знала: о стеклянных пауках, о поющих раковинах, в которых прячутся души погибших в кораблекрушении, о том, как понять, о чем человек думает, не спрашивая его, — объясняла своему благодарному слушателю. Был он сам не свой до новых знаний. Только очень уж разбрасывался. Честно хотел стать врачом, уже многое постиг, но отвратило естество — немощь и тлен больного человеческого тела. Готовился к научной стезе — и часто убегал в поля — кататься верхом, упражняться на мечах.

Признаться, и я не отставала от принца. Наскучив чтением и беседами с видными учеными, мы носились с ним по полям и лесам, занимались фехтованием, плавали в озере... И ночами гуляли в тумане. Он нас не пугал, в отличие от других придворных. Замок на ночь закрывался наглухо, жизнь в нем, казалось, вымирала.

Но... почти в каждое пришествие тумана слышался где-нибудь во дворе юношеский вопль ужаса или женский визг. А туманным утром мы с Ролло частенько натыкались на лежащее тело: то незадачливый кавалер под молочно-белым прикрытием пытался проскользнуть к даме, то дворовая девчонка хотела улизнуть к своему дружку, то два юнца, разгоряченные вином, решили выяснить отношения на мечах. Туман настигал их, запутывал в своих сетях... И приводил в исступление страха, которое кончалось глубоким обмороком. Правда, без последствий. Никто, придя в себя, ничего не помнил. Только ходил потом весь день слабый и вялый, как умирающий лебедь...

... Я посмотрела на своих визави — все еще беседуют:

— Принц, я буду вечно тебя ждать! — клянется Лина...

Ну да, ну да... Ее сложный головной убор — по самой последней моде — из причудливо свернутых в жгуты атласных лент. И я четко вижу, как среди этих сложно переплетенных узоров прячутся нехитрые мысли. Бедная девочка. И года не пройдет после отъезда Ролло, как ты вступишь в брак с молодым военачальником. Ну как же: такой бравый, такой красавец... И нарядов — сколько захочешь... Но сейчас она сама себе верит:

— Никогда не забуду тебя!!!

... И я никогда не забуду тебя, мой принц. Что поделать, — все к этому вело и в свое время все свершилось. Он стал мужчиной, я вспомнила, что я — женщина. Так возникла наша связь. Какое пошлое слово! Хотя... нас многое связывало. Но уж постель — в последнюю очередь. Мы как начали наши интимные отношения, так и прекратили. Ролло, умница, сердцем угадал, что еженощные упражнения отвлекают меня и его от самого главного — нашей дружбы. И со свойственным ему одному тактом, нежно (не подберу другого слова) отошел от меня...

... Господи, и в какую дыру провалился сейчас этот его такт?.. Сидит бок о бок с этой девицей, болтает как сорока, даже не замечает, как мне тошно. И уйти нельзя. До конца пира еще часа два. Если бы не вышивание, впору умереть. Тем более, что на вышивке уже появился величественный всадник, мирным победителем и просветителем вступающий на родную землю...

... Я помню, как туман в первый раз совершил настоящее убийство. И как я впервые (и до сих пор пока единожды) беседовала с ним. Это произошло в ту страшную ночь, когда военачальник Горан поднял мятеж. Все уже давно спали... Как он вошел с кучей вооруженных зверей за ограду замка? И как он осмелился затеять недоброе дело в нашем краю, где в последние двадцать лет царила тишь и благодать?

Я проснулась от криков и лязга железа. Сорвавшись с постели — в ночной рубашке, с распущенными волосами, я схватила короткий меч — надежное, испытанное оружие. Распахнула дверь...

... Со спины — из открытого окошка — меня накрыла молочно-белая упругая волна. Спеленала, уложила на пол. Невозможно пошевелиться. Наступила мертвая тишина... Сами закрылись глаза... Зачем сопротивляться неизбежному?..

... Когда я пришла в себя, уже расцветало утро. В открытые окна рвалось торжествующее щебетание птиц. С трудом встав, я вышла в коридор. Царедворцы, такие же вялые и растерянные, выходили... озирались... Вставали. Все кроме Горана и его свиты. Они лежали, не шевелясь, в коридоре и на ступеньках лестницы, безгласные, как плиты пола. Туман выпил из них жизнь.

Потом выяснилось, что кроме мятежников погибли и несколько защитников. Их не убивали псы Горана. Молодые парни из охраны, вступившие с ними в неравный бой, умерли от тех же липких, всепроникающих, белесых щупалец. На их теле не обнаружили никаких ран.

... Мы с Ролло тогда мягко, без взаимной боли прекратили наши любовные отношения, но принц озадачил всех тем, что не нашел (да и не собирался искать) мне замену. По замку поползли шепоты: «Эта ведьма испортила его! Присушила! Теперь он ни на кого смотреть не хочет!!!» Я посмеивалась — кому, как не мне, было знать, что принц успешно перенес свой бурный темперамент на ученые труды, изучение политики и ораторские упражнения. Таланта ему не занимать — как и ума, и смелости... У него уже была великая цель и распыляться он не хотел. Никогда он не казался столь сосредоточенным и увлеченным...

Но тут слухами заразился сам король.

— Медея! Я прошу покорнейше меня извинить, ты знаешь, как я к тебе отношусь... Но придворные говорят ужасные вещи...

Я, признаться, сначала вспылила:

— Эрик! Хотя ты-то не будь идиотом! Ты тоже меня знаешь: я хорошо понимаю людские мысли, но властвовать над ними, а, тем паче над чувствами, не могу! И вообще: Ролло сейчас не до девчонок! Он готовит себя к большой цели. Ему многое дано, он знает, что многое и спросится. Он занят! Неужели не понятно?

— Да чем он занят?! Он должен быть занят лишь одним как мой сын и наследник: ждать моей смерти и быть готовым вступить на трон, чтоб удержать в руках все могущество наших земель!!!

Надо было срочно менять тактику:

— Мой король, не будь столь гневен! Неужели ты забыл себя молодого... Вспомни Клару!

Эрик запнулся, забыл выдохнуть, хотел рывкнуть, закашлялся...

— Клару... ах, да... Клару!

Расплылся в смущенной улыбке и по-доброму рассмеялся.

Клара была его воспитательницей и наставницей в детстве. Старше молодого короля почти на двадцать лет, она стала со временем для юного Эрика всем — другом, любовницей, советником. И когда, по благословению монарха, эта женщина величественно удалилась от двора, выйдя замуж за пожилого ученого, Эрик не один год отказывался от веселых подруг и законной женитьбы.

Насколько я знаю, сейчас Клара мирно живет в светлом, чистом, небогатом доме, занимается с мужем и слугами садовыми делами. И счастлива до неприличия. Двое их приемных сыновей каждое новогоднее торжество появляются в замке. К расавцы и умницы редкие. Говорят, уже невест себе присмотрели...

— Честно признаться, — король игриво толкнул меня в бок, — я даже рад, что наш мальчик не валяется по перинам придворных потаскушек... Они, конечно, хороши, но уж больно часто по врачам бегают... А уж ты, Медея... Кто-кто, а я парня понимаю: попробовав меда, помоев не захочешь!!!

И, явно довольный своей остротой, Эрик захохотал во все горло... Бедняга!

... На следующую ночь после неудавшегося мятежа, когда прекратились безумные мессы осатанелых священников во славу Тумана и закончились тщетные выпады юнцов, пытающихся вызвать Туман на противоборство, я вышла подышать свежим воздухом в наружную галерею.

Туман настиг меня... Обволок, запеленал. Я пыталась сопротивляться, рваться, кричать... Но что можно сделать в ватном коконе?

И тогда-то в глубине мозга родился голос:

«В тебе появилось что-то новое. Раньше этого не было».

«Ты напугал меня», — мысленно (и предельно честно) ответила я.

«Нет, это не страх. Кому, как не мне, знать, что такое страх... В тебе... как это объяснить — боль, непонимание... отчаяние... разочарование...»

«Зачем ты убил тех мальчиков? Они же хотели нас защитить...»

«Я не всегда могу рассчитать свою силу. А они... оказались слишком близко. Но... теперь я сыт... Прости...»

«Ты питаешься нашим страхом, нашей ненавистью и злобой? А теперь кормишься моим горем?»

«Да, конечно. Но не только. Ты задумывалась, почему в последние десятилетия у вас прекратились войны? Почему вы все так справедливы и добры? Так счастливы? Я съедаю все самое дурное, самое грязное, что есть в человеке...»

«Ты — как сточная канава», — попыталась возмутиться я.

«Конечно, нет. Ты сама это знаешь. Недаром тебе открыты мысли людей. И мои мысли. Я сохраняю и приумножаю ваши знания, ваши светлые чувства. И ты не боишься меня, Медея... Ролло тоже не боится. Он умен, храбр и честен. Ему нужно идти вперед. Его ждут большие свершения...»

«Но почему ты облюбовал для кормежки наш замок?! Ступай за границы, — там до сих пор не прекращается братоубийственная война... Там по-прежнему — отчаяние, зло, боль и ненависть!»

... словно бы легкий смешок:

«А где я, по-твоему, бываю в свое отсутствие?..»

Ласковая, вяжущая пелена отпустила. На прощание скользнула плотной, свежей океанской волной по моему лбу. И ушла...

... Вот и вышивка готова. На ней в самом начале — мягкие волны тумана и всадник, выезжающий на прямую, как стрела, дорогу. Затем — военные действия, политические баталии, ученые дебаты... открытые трибуны... народы, готовые добровольно принять правление достойного. И в конце — триумфальное возвращение домой. Не взять власть из слабеющих рук отца. А красиво, на равных, принести свою.

Празднество кончается, сейчас можно встать и незаметно исчезнуть, чтобы приготовить принца в дорогу. А к утру придет туман. Лина, конечно, не высунется из замка, побоится. Куда ей. Я незаметно выведу из конюшен лучшего скакуна, наполню седельные сумки всем, что нужно в походе. Сверху будет лежать вышитое полотно. Ролло меня не увидит. Он развернет вышивку и все поймет. Потому что знает: гораздо легче рассуждать о благородных поступках, чем их совершать.

Думаю, я не дождусь принца. Состарюсь и приду в дряхлость раньше. И тогда я попрошу, чтоб туман забрал меня. Мои силы, мысли и страсти.

... Я задумчиво вздохнула, перекусила последнюю нитку. Аккуратно свернула вышивку. Подняла глаза и — встретила взгляд Ролло. Он смотрел на меня и улыбался.

По-настоящему. Как раньше.

... Каждую ночь я открываю окно. И жду кто придет первым — принц или туман...

... Я жду обоих...